

Золотое фэнтези

ЕКАТЕРИНА САВИНА

Пособие для начинающего оборотня

Охотница на ведьм

Екатерина Ивановна Савина
Пособие для
начинающего оборотня
Серия «Охотница на ведьм», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170832

Пособие для начинающего оборотня:

Аннотация

Битва экстрасенсов в разгаре: ясновидящая Ольга Калинова против колдуна Захара, виновника гибели ее сестры. Это битва без правил, в которой победитель получает, а побежденный теряет всё. Исход битвы отнюдь не предreshен и окружающие в полной мере получают свою долю смертельной магии...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	44
Глава 4	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Екатерина Савина

Пособие для начинающего оборотня

Глава 1

За окном моей спальни второй час подряд синели сумерки. Даже странно думать об этом – вот уже несколько лет подряд я вижу те же самые сумерки – в них тонет тот самый дом, все девять этажей – напротив моего дома, та самая аптека на углу с фонарем над дверью, свет которой привычно режет мой маленький двор на две равные части – а в длинном конусе ярко-желтого электрического луча танцуют миллионы снежинок, и кажется, что не найти ни одной снежинки, хоть сколько-нибудь от другой отличающейся.

Сколько зим я видела в этом городе – пять, шесть? Кажется, шесть. Или семь – очень трудно считать шаги, оглядываясь на пройденный путь.

Москва... Да, шесть или семь лет я назад я поселилась в этом городе.

Меня зовут Ольга Антоновна Калинова. До тех пор, пока я не переехала в Москву, я жила в провинциальном городке под Вяткой, где работала агентом по размещению рекла-

мы в местной рекламной газетке. Должность, конечно, не бог весть какая, но... вообще, специфика провинциального города не дает определенных предпосылок к стремительному продвижению по служебной лестнице.

Да я и не собиралась никуда стремительно продвигаться. В отличие от своей родной сестры Наташи.

Мы с ней вместе ходили в детский сад, вместе заканчивали школу, в десятом классе которой обе одновременно влюбились в учителя русского языка Карла Ивановича; вместе поступили в художественное училище.

Вот как раз после окончания художественного училища наши с сестрой пути разошлись. Пристроиться к качеству художника в какую-нибудь организацию нам не удалось, а мне неожиданно предложили работу агентом по размещению рекламы, и я, конечно, согласилась, естественно, с тем условием, чтобы в той же газетке могла работать и Наташа.

Несмотря на то звучное название должности, мои обязанности заключались в том, что я моталась по городу – из одной местной фирмы в другую и уговаривала боссов и шефов разместить в нашей газетке свою рекламу.

Предпринимательство в том городке, где жили мы с Наташей, развивалось бурно – многочисленные фирмочки и предприятия с ограниченной ответственностью по производству точилок для карандашей и канцелярских скрепок – то всплывали на поверхность, то тонули в бездонной пучине банкротства – как в кастрюле с кипящим супом макароны.

Поэтому работы у меня было навалом – утром я помещала рекламу частного предприятия «Бонус», вечером шла уточнить некоторые детали оформления логотипа – и находила на месте частного предприятия табличку, на которой сообщалось, что «Бонус» разорился; а в опустевшем офисе суетились ребята из только что зарегистрированного общества с ограниченной ответственностью «Три толстяка».

И я возвращалась в свою газетку с полученным заказом на рекламу «Трех толстяков».

В принципе моя работа мне нравилась. Мне нравилось общаться с людьми, заводить новые знакомства, и я часто думала, что скоро в нашем маленьком провинциальном городке я буду знать в лицо и по имени каждого мало-мальски удачливого предпринимателя.

Да, тогда я еще не жила в Москве, а жила в маленьком провинциальном городке под Вяткой – и как-то вечером домой мне позвонили из убойного отдела такого-то района Москвы и попросили срочно приехать в столицу. Я, конечно, удивилась и встревожилась. Встревожилась больше, чем удивилась – тотчас выкрикнула в трубку требование объяснить все это – у меня даже на мгновение мелькнула мысль – а не глупая ли это чья-нибудь шутка.

Но потом оказалось, что вовсе это не шутка. Мне сказали и причину вызова – день назад в своей квартире была застрелена моя сестра Наталья, совсем недавно уехавшая от меня в Москву в поисках лучшей жизни.

Несколько дней спустя выяснилось, что Наталью застрелил профессиональный киллер, а такие преступления обычно не раскрываются. Мне так и сказал опер – что вероятность раскрытия этого преступления – два-три процента.

Но мне удалось разобраться во всем этом запутанном деле – как оказалось, моя сестра-близнец Наталья была членом Общества поклонников Сатаны, как и, кстати говоря, и мои нынешние друзья – Васик Дылда и Даша. Отцом Общества был тот самый Захар – жуткой внешности человек, и в самом деле похожий на выходца из потустороннего мира. Сначала я думала, что это Общество – просто-напросто сборище богатых бездельников, которых увлекла идея тайной организации, наркотические шабаши и яркие проповеди Захара, почитаемого ими за могущественного колдуна.

Как выяснилось позже, я ошибалась.

Захар и вправду обладал исключительными экстрасенсорными способностями и мог при случае продемонстрировать опьяненным наркотиками юнцам какую-нибудь псевдо-колдовскую штуку. Но на самом деле занимался он куда более серьезными делами, чем охмурением молодых столичных балбесов и вытягиванием из них денег – процедура эта напоминала что-то вроде сдачи членских взносов.

Захар был связан с многочисленными преступными группировками Москвы и крутил с ними дела, которые безусловно выходили за рамки, установленные уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. В этой его пре-

ступной деятельности ему очень помогали средства, выкачанные из членов созданного им Общества и его экстрасенсорные способности.

Захар и заказал киллеру мою сестру. О том, почему он это сделал, я узнала в самом конце всей этой запутанной и жуткой истории. Оказалось, что Наталья, так же, как и сам Захар, обладает экстрасенсорными способностями, унаследованными ею от нашей прабабушки Поли, которую на селе называли ведуньей. Захар помог Наталье раскрыть эти ее способности и намеревался с их помощью укрепить свою власть.

Но Наталья неожиданно отказалась связываться с темной деятельностью Захара, и тогда он...

Трудно было отыскать убийцу моей сестры, но у меня в конце концов все получилось, К тому же – я обнаружила, что такие же экстрасенсорные способности, какие были у моей сестры, есть у меня – мы же с ней одинаковые. Правда, полностью разобраться в своих возможностях я еще не успела – и думаю, что вряд ли в полной мере мне это удастся до самого конца моей жизни, но многое я уже умею – проникать в сознание окружающих меня людей, воздействовать на сознание, получая таким образом власть над людьми, ну и... еще кое-какие возможности дают мне мои исключительные экстрасенсорные способности.

О Захаре мы ничего не слышали уже несколько лет. И век бы про него не слышать, но мне последнее время не дает покоя одно странное чувство – время последней и решающей

моей битвы с Захаром – близится...

Однако, и без Захара мне хватает проблем. Несколько месяцев назад я сама едва не стала жертвой одного старого убийцы, обладающего исключительными способностями к гипнозу и прочим разновидностям внушения. И мне крупно повезло, что я и мои друзья – Васик, Даша и моя новая подруга Нина – остались живы.

Этот старик – его звали дядя Моня – сейчас находится в тюрьме. Несомненно, это один из самых сильных колдунов, которых я встречала – не считая, конечно, Захара. Даже сын Захара – Виктор, с которым мне тоже пришлось столкнуться, значительно уступал дяде Моне. Но Виктор обладал магическим зеркалом, в котором был сконцентрирован энергетический потенциал многих десятков душ загубленных им детей. Полярность энергетического заряда была такова, что зеркало имело способность высасывать энергию у людей, обладающих паранормальными способностями. С помощью этого зеркала Виктор хотел расправиться со мной, но сам попался в собственную ловушку...

Впрочем, что об этом вспоминать – дело прошлое... Сейчас я живу и работаю в Москве, пока, черт возьми, одна – так и не удалось найти мужчину своей мечты, но... Но, мне кажется, все еще впереди. Я не скучаю. Тем более, что окружающая меня действительность скучать не дает – бурная, надо сказать, и непредсказуемая, словно внутренности обжаренного гороховым супом пациента желудочно-кишечного отде-

ления районного поликлиники, находящейся, к слову, неподалеку от моего дома. Всегда найдутся люди, кому просто позарез нужна моя помощь. Мне последнее время даже приходила в голову мысль – а не открыть ли собственную контору под названием, скажем... «Волшебный посох»... Или – «Тринадцатый единорог»... Или – «Фея из двадцать первой квартиры»... И список услуг прилагается – квалифицированный специалист по белой, черной и ультрафиолетовой магии избавит вас вредных колдунов, вурдалаков и злобных соседей. Пенсионерам и членам благотворительных организаций – скидка...

Нет, не стоит, наверное. Моя работа меня устраивает, а выслушивать малограмотных столичных бизнесменов, пришедших ко мне с просьбой избавить их от перепончатокрылого вампира, скрывающегося под личиной налогового инспектора, не представляет для меня никакого интереса.

Другое дело, если с кем-то из моих друзей случилась беда, или кому-то еще действительно нужна моя помощь.

Вот и вчера – прибежала ко мне крайне взволнованная Даша и, заламывая руки и то и дело всхлипывая в такт своим словам, рассказала мне очень трогательную историю, приключившуюся с ее старинным приятелем, кажется бывшим соучеником по институту, который до одури влюбился в прожженную проститутку – и чтобы навсегда привязать ее к себе, решил пойти на крайние меры, которые у обыкновенного человека, не привыкшего к вещам, относящимся к паранор-

мальной стороне жизни, несомненно вызовут шок.

Дело было так...

Впрочем, нет смысла собственными словами пересказывать эту историю, поскольку не лишенная художественного дарования Даша озвучила все так ярко, что история эта запомнилась мне слово в слово...

* * *

За плотно закрытой кухонной дверью гомон шумной вечеринки был почти не слышен. Высокий парень, из-за довольно длинных прямых черных волос похожий на пажа со средневековой гравюры, щелкнул выключателем, и тотчас вспыхнуло ночным голубым светом широкое окно. Девушка, курившая у подоконника, вздохнула и, оставив сигарету в пепельнице, повернулась к парню.

Тот, однако, так и остался стоять у стены. В темноте ясно стало видно, как он странно бледен. Он дважды открывал рот, чтобы что-то сказать, но, по всей видимости, на ум ему приходили только фразы вроде «Довольно поздно уже...» – или – «Интересно, сколько сейчас времени?...»

– Тебя как зовут? – спросила девушка, снова зажимая в пальцах догорающую сигарету.

– Антон, – быстро ответил парень.

Он провел рукой по волосам и неуверенно двинулся к спокойно стоящей у светящегося окна девушке.

– А я Света, – представилась девушка.

Парень в странном замешательстве остановился. Он выглядел очень смущенным, хотя, кажется, был порядочно пьян.

– Я... слышал, – запинаясь, сообщил он, – Тебя Феликс так называл...

Девушка кивнула и затушила сигарету.

– Я... – выговорил парень, – Знаешь, мне бы хотелось... Мы не могли бы с тобой встретиться как-нибудь... Ну, понимаешь?..

– Понимаю, – сказала девушка, – Ты бар «У Михалыча» знаешь?

– Да.

– Меня там можно найти. Если хочешь.

– Наверно, ты официанткой работаешь? – хотел спросить парень, но тут открылась дверь, и он резко обернулся, как будто его ударили сзади.

– Антоха! – заревел, перекрывая шум вечеринки сразу наполнивший кухню, рыжеволосый верзила в расстегнутой до пупа цветастой рубашке, – Ты чего тут завис?.. Ого, и Юлька здесь... Как? Ах, да, прости – Света, Света... Тебя, Света, кстати, Феликс обыскался. Фу ты черт, свет еще потушили, чуть на стол не налетел...

Девушка кивнула и быстро вышла из кухни.

– Ну, как? – понизив голос до заговорщицкого шепота, осведомился верзила.

Длинноволосый парень стал чувствовать себя гораздо увереннее, когда девушка покинула кухню.

– Нормально, – небрежно ответил он, – На завтра с ней договорился.

– Молодец! – усмехнулся верзила, – За это надо того... выпить.

Он открыл холодильник и достал бутылку водки.

– Стаканы возьми с полки, – попросил верзила, с хрустом скручивая бутылке жестяную головку, – Вот черт, ящик водяры покупал, да еще Феликс бухла сколько притащил, так выпили все и два раза уже за догоном бегали...

– Народу много, – рассеянно заметил длинноволосый, – с треском ты, Артурчик, свой день рождения отмечаешь, что и говорить... Слушай, а кто эта Света?

– В смысле? – подавая ему наполненный водкой стакан, переспросил верзила Артурчик.

– Ну... С кем она пришла?

– А-а... Это Феликс ее притащил. Подснял ее где-нибудь... Ну, что не жена она ему, это точно... Да, наш с тобой бывший одноклассник теперь довольно крут. Какую-то фирму имеет. Банями заведует... Туристический бизнес... Это для прикрытия. Говорят, что он в области досуга работает. То есть – девочек поставляет состоятельным клиентам. Говорят, очень хорошо раскрутился...

– Да, он рассказывал, – рассматривая водку в стакане, проговорил длинноволосый.

– Он постоянно об этом трепется! – захохотал Артурчик и поднял здоровенной ручищей свой стакан, – ну, поехали, что ли?..

* * *

– А дальше что было? – спросила я тогда.

– Дальше? – переспросила Даша. – А дальше ничего хорошего не было. Дальше Антон рассказывал мне со слов того самого Артурчика – своего бывшего одноклассника, на дне рождения которого Антон со Светой и познакомился. Понимаешь, квартира Артурчика не совсем обычной планировки – она однокомнатная вообще-то и единственная комната – огромная, как... в три раза больше, чем твоя гостиная, например – единственная комната разделена перегородками на три. А перегородки тонкие, так что услышать из одной комнаты, что происходит в другой – никакого труда на составляет. Вот Артурчик и слышал. И, конечно, догадался, что в соседней комнате происходило – несложно догадаться было. И рассказал все – пьяный дурак – Антону.

* * *

– Ты где шлялась? – неприязненно осведомился Феликс, обеими руками почесывая коротко стриженную голову, от-

чего становился похожим на огромную обезьяну, – я тебя для чего вообще сюда приволок? На сегодняшний вечер ты моя подруга, поняла? Мне надо свой этот... престиж поддерживать...

Девушка, остановилась напротив развалившегося в кресле Феликса.

– Я разговаривала, Феликс, – тихо сказала, – С гостями общалась.

– Чего с ними общаться? – проворчал Феликс, сморщив мясистое, словно резиновая маска, лицо, – Бухие в жопу все... А чего этот придурок волосатый рядом с тобой крутился?

– Антон? – переспросила девушка, – Да я сама не поняла, что он от меня хотел. Какую-то ерунду говорил... Вроде встретиться со мной хотел.

Феликс усмехнулся.

– Нашла дружка себе. Я с этим волосатым в школе учился – чокнутый он какой-то... Короче, не пара тебе. Я тебе более перспективного клиента найду. Если, конечно, будешь на меня хорошо работать.

– Я стараюсь, – сказала девушка. Ее интонации становились все больше похожи на интонации Феликса, – пока никто не жаловался, ты знаешь.

– Ага, – осклабился тот, – Знаю, это точно... Ну-ка... давай это самое... – Он покосился на закрытую дверь, – там щеколда... Задвинь ее.

Девушка кивнула, заперла дверь и, вернувшись к Феликсу, опустилась перед ним на колени.

— Артурчик мне целую комнату ангажировал, — пропыхтел он, пока девушка расстегивала ширинку на его брюках, — на полчаса. Так что можешь не спешить...

Черноволосая голова девушки плавно и ритмично задвигалась на уровне его живота.

— Правильно я сделал, что тебя с собой прихватил, — откинувшись на спинку кресла, пробормотал Феликс. — А то тут со скуки сдохнешь, в натуре... Вообще, если бы не... твоя работа, то можно было бы тебе у меня пожить... какое-то время. А? Что ты на это скажешь?

Ответа он не услышал, да и не интересовал его ответ.

* * *

— Гадость какая, — поморщилась я, — и что же — этот Артурчик — так-таки и рассказал все Антону?

— Ага, — вздохнула Даша, — так-таки и рассказал. Что с пьяного возьмешь.

— А Антон?

— А что Антон... — Даша посмотрела мне прямо в глаза и продолжала говорить, зачем-то понизив голос до шепота, — он, когда ко мне пришел, я даже узнала его не сразу. Притом, что я его до этого неделю назад встречала. Такой, знаешь, измученный весь. Лицом потемнел, почернел даже. Осунул-

ся. И голос у него стал такой... Глухой, замогильный...

– Глаза сидят глубоко под бровями, – в тон своей подруге продолжала я, – и горят дьявольским огнем. А на лбу – отпечаток когтя Сатаны – в знак того, что твой друг продал душу Властителю Ада.

– Перестань! – нахмурилась Даша. – Вовсе не смешно. Я Антона хорошо знаю. Он из тех людей, которые не остановятся ни перед чем, чтобы желаемое заполучить. К тому же – он всегда был склонен к мистицизму... Трудное детство, понимаешь, хулиганы во дворе, одиночество, непонимание и глубокое неприятие окружающей действительности.

– Так что же ты от меня все-таки хочешь? – поинтересовалась я.

– Просто поговорить, – ответила Даша, – поговорить всего-навсего. Чтобы он успокоился и не лез туда, куда лезть не нужно. Объясни, что потусторонняя сфера действительности не комикс-страшилка, а серьезная реальная опасность не только для него самого, но и для других людей. Как атомное оружие в руках горящего решимостью дилетанта. Ты же у нас экстрасенс и все эти... паранормальные штучки ты знаешь. А то как я вспомню, что Антон мне плел два часа подряд... О черной мессе какой-то, о куклах вуду... О власти тьмы... У меня такое впечатление сложилось, что он всерьез считает, будто, продав душу дьяволу, можно заполучить все на свете.

Я пожала плечами. Расхожий словесный оборот «продать

душу дьяволу» с первого взгляда не имел по собой никакой реальной подоплеки, но, если серьезно разобраться, то был выражением действительного и очень нехорошего смысла. Если заменить символ и образ вселенского зла – «дьявола» – на, допустим, черную сторону паранормальной сферы потусторонней действительности, которая, конечно, существует – в чем я неоднократно убеждалась на своей, так сказать, шкуре, то очень неприятная штука получается.

Обычно – человек, способный на глубокие переживания, обладает достаточно большим энергетическим потенциалом, а для злого колдуна, то есть – современным языком говоря – для объекта, использующего свои паранормальные способности во вред людям, такой человек – просто находка. Своего рода генератор. К тому же – тот, кто стремится продать самого себя во имя какого-то дела, называется, как правило, фанатиком. А история показывает, как страшен может быть фанатизм, да еще под вдумчивым и внимательным руководством обладающего паранормальными способностями. Так что – в этом рассказе о влюбленном Антоне ничего смешного нет.

Хотя...

Хотя, что это я так разволновалась? Всего-навсего влюбленный молодой человек, у которого, судя по всему, не все в порядке с головой. Чего он там сможет такого уж страшного натворить? Поговорить с ним – пожалуй, поговорю. Чтобы самой убедиться в том, что ничего плохого случиться не мо-

жет.

– Ладно, – сказала я Даше, – приводи ко мне своего Антона, я с ним поговорю. И представь меня ему как-нибудь... поэффектнее...

– Конечно! – просияла Даша. – Спаси человека! Проведи с ним какой-нибудь сеанс психотерапии. А то он и на самом деле что-нибудь натворит. Я ведь его знаю – он никогда от своих замыслов не отступался – какими бы они – замыслы – сумасшедшими не казались. Помню, как он вбил себе в голову – на первом курсе института – что, если постоянно испытывать физическую боль – с каждым разом все сильнее и сильнее, то в конце концов ты сможешь перешагнуть болевой порог и вовсе этой боли не чувствовать – всю оставшуюся жизнь.

– И что же? – заинтересовалась я.

– Антон каждый день себя иголками колол, а чтобы язвочки не заживали, натирал их солью, керосином и другой гадостью, – поведала мне Даша, – через несколько дней его прямо из общежития в реанимацию отвезли. Он от болевого шока потерял сознания. А потом еще долго с ним возились в больнице – боялись, что он заражение крови получит...

– Да... – задумчиво протянула я, – твой Антон прямо чудо-человек какой-то. Богатырь. Исполин духа. Он в психоневрологическом диспансере не наблюдался?

– Наблюдался, – подтвердила Даша, – как раз после этого случая. Когда он врачам рассказал, зачем себя истязал,

они тут же психиатра вызвали. Его понаблюдали немного, да и оставили в покое. Больше, кажется, с врачами он дела не имел. Ну, если только в военкомате...

– Ты же говорила, что он вместе с тобой в институте... А там военная кафедра.

– Наплевал наш Антон на военную кафедру, – усмехнулась Даша, – и на справку их психоневрологического – тоже наплевал. Взял и в армию пошел – по собственной инициативе. Да еще – воевал, говорят... Вроде бы – сам вызвался на войну поехать...

– Очень интересный человек, – оценила я, – горю желанием с ним познакомиться.

– Вот и отлично, – подытожила Даша, – я его к тебе приведу, ты с ним поговоришь, воздействуешь на него соответствующим образом, он и успокоится. А то прямо жалко смотреть на него... Пропадет ведь парень. Только и разговоров у него о том, чтобы душу продать с целью заполучения руки и сердца той самой шлюхи... как ее? Светланы...

– Н-да... Весело... Послушай! – вспомнила я. – А ты ведь ко мне приезжала не только из-за своего сумасшедшего однокурсника – ты ведь меня еще о чем-то попросить хотела. О чем?

– Ах, да! – спохватилась Даша. – У меня к тебе еще одна маленькая просьба... Понимаешь, наш Васик наконец-то решил жениться на своей Нине.

– Правда? – обрадовалась я. – Ну, наконец-то! На чело-

века хоть станет похож. Конечно, Васик в последнее время стал более рассудителен и благонадежен, но я боялась, что его кипучая натура все равно возьмет вверх и он такое отчебучит, что небесам тошно станет.

– Именно по этому поводу я к тебе обратиться и хотела! – воскликнула Даша. – Мне звонила Нина, сообщила, что Васик намеревается устроить холостяцкую вечеринку со своими друзьями. Капустник перед свадьбой – мальчишник, то есть. Отдать последнюю дань холостой жизни. Такой... шумный залп перед последней капитуляцией. А ты ведь друзей Васика знаешь – все сплошь алкоголики и придурки. Вот Нина и боится – вдруг эта вечеринка закончится какой-нибудь крупной неприятностью...

– Зная Васика, – вставила я, – могу предположить, что все точно так и будет.

– Ага, – кивнула Даша, – так вот Нина просила меня, чтобы я на правах лучшей твоей подруги попросила тебя присмотреть за Васиком и компанией – как бы они чего не натворили. Присмотреть так, чтобы они ничего не заметили... И ничего чтобы плохого не случилось. Это только ты сможешь – со своими способностями-то... Хорошо, Ольга?

– Вот новости, – вздохнула я, – детский сад какой-то. С одним душевнобольным поговорить, чтобы он – не дай бог – не продал свою душу... больную... Сатане... посредством какого-нибудь первого встречного колдуна. За другим умалишенным присмотреть, чтобы он – чего доброго – спьяну

не набаламутил – не кидался консервированным кормом для собак (причем, прямо в консервных банках) в народных депутатов, как два года назад; или не пытался надругаться в извращенной форме над милицейской собакой Стрелкой... Как в позапрошлом октябре, помнишь?

– Да, – сказала Даша и потупилась, – я вот только не понимаю, как можно надругаться над собакой в неизвращенной форме.

– Не знаю, – честно призналась я.

Даша помолчала немного – видно, ей самой было неловко обременять меня такими пустяковыми и довольно глупыми просьбами.

Потом вздохнула и спросила:

– Присмотришь?

– Присмотрю, – согласилась я тогда. Куда же я от вас денусь?

– Здорово! – обрадовалась Даша.

* * *

За окном моей спальни уже который час подряд синели сумерки. Даже странно думать об этом – вот уже несколько лет подряд я вижу те же самые сумерки – в них тонет тот самый дом, все девять этажей – напротив моего дома, та самая аптека на углу с фонарем над дверью, свет которой привычно режет мой маленький двор на две равные части – а в

длинном конусе ярко-желтого электрического луча танцуют миллионы снежинок, и кажется, что не найти ни одной снежинки, хоть сколько-нибудь от другой отличающейся.

Сколько зим я видела в этом городе – пять, шесть? Кажется, шесть. Или семь – очень трудно считать шаги, оглядываясь на пройденный путь.

Да, да... Как раз завтра состоится этот дурацкий мальчишник. Я уже узнала и место и время грядущего безобразия – по агентурным данным Даши, провожать веселую холостую жизнь Васик будет в кафе с романтическим названием «У Михалыча». В десять часов вечера в это заведение набьется столько разношерстного отребья – друзей и приятелей Васику – что администрация кафе очень пожалеет о своем согласии на проведение этого банкета.

Погодите-ка, погодите... «У Михалыча»... Знакомое какое-то название. Кажется, я его сегодня слышала. Или нет? Или что-то подобное слышала. Наверное, ошиблась. Сейчас такая мода пошла – каждый третий бар или кафе называется – «У Семеныча», «У Степаныча», «У Кузьмича»...

Наверняка, завтра очень весело будет. С Васиком никогда скучно не бывает. А если еще учесть то, что отъявленный пьяница, дебошир и безобразник Васик уже почти год под влиянием своей невесты Нины практически не употребляет спиртного и не шляется по богопротивным заведениям, то завтра – получив небольшую порцию свободы и громадную порцию алкоголя – Васик оторвется, что называется, от ду-

ши...

Что ж... Посмотрим.

Глава 2

– Ты чего себе позволяешь?! – Семен даже пристукнул ребром ладони по полированной плоскости стойки бара, – Ты вообще, здорова? Я сейчас твоему Феликсу позвоню, он тебя мигом на улицу вышвырнет! Он мне специально не этого клиента указал – велел передать тебе, чтобы ты им занялась... А ты что? Позвонить Феликсу? А? Позвонить?

– Не надо, – подняла голову Света, – Не надо Феликсу звонить.

– Тогда иди и работай!

– Ты посмотри, Семен, – Света оглянулась и быстро зашептала, – Он же пьяный вусмерть. Да к тому же грязный, как черт знает что. И старый. У него и денег, наверное, нет совсем...

– Он на прошлой неделе здесь был, – заметил Семен, – такой же грязный. А погулял знаешь на сколько? Наш бар не каждую неделю такую выручку получает. И не каждый месяц даже... А ведь «У Михалыча» – не второсортное какое-нибудь заведение, а нормальное кафе.

Света вздохнула.

– Ну что? – поинтересовался Семен, – звонить Феликсу или пойдешь с этим старым коз... с клиентом, то есть?..

– Пойду, – сказала Света, – наверху комната свободная есть?

– Есть, наверное, – сказал Семен, – а зачем? Я же тебе говорю – бабок у него куры не клюют, даром, что выглядит, как свинья. Напросишься к нему домой, так он тебе еще накинёт... Утром. Или у тебя встреча тут с кем-то назначена?

– Да нет...

Света снова обернулась, внимательно посмотрела на невероятно толстого коротышку, похожего на навозного жука, которому оторвали все усики, рожки и тому подобные конечности, оставив все-таки зачем-то четыре маленьких лапки – и покачала головой.

Коротышка сидел в самом центре бара в за столиком окружении нескольких чудовищно пьяных парней в спортивных костюмах. Заметив, что Света обернулась к нему, он помахал ей рукой и осклабился так широко, что ей показалось, будто его лоснящаяся физиономия сейчас треснет пополам.

– Во, – оценил Семен, – ты ему нравишься. Давай, иди. А то он сейчас нажрется, и ему не до тебя будет. А! Слушай, – вдруг вспомнил он, – А правда, что ваш Феликс своих девчонок в Китай возил? Какому-то целителю народному показывать, а?

– В Таиланд, – рассеянно поправила Света и резко вдруг вскинула глаза на Семена, – А тебе-то какое дело до всего этого?

– Да так, – ухмыльнулся Семен, – Никакого. Просто люди про вашего Феликса какие-то слухи непонятные распространяют...

– Какие люди? – настороженно переспросила Света.

– Да так... Всякие, – уклончиво ответил Семен и зевнул, – ладно, иди. Работай.

Света снова посмотрела на своего потенциального клиента.

«Ничего, – подумала она, – пойдет. Он, кажется, бандит какой-то... Судя по внешнему виду и по ближайшему окружению – точно бандит. Ничего – бандит, так бандит. Пойду с ним. По крайней мере, не обычный полупьяный идиот, сбежавший от жены предаться греховным утехам. Бандит – это нечто более значительное. Феликс будет доволен...»

* * *

Антон поместился на самом краю длинного стола в глубине полутемного зала студенческой столовой. Поставив перед собой чашечку кофе, положил ладони на колени, заметив, что окружающие обращают внимание на его безобразно трясущиеся пальцы.

Хотя курить в столовой не разрешалось, он достал из кармана пачку сигарет и поставил ее рядом со своей чашечкой. По правую руку от себя он положил расческу, карандаш и записную книжку.

Закончив сосредоточенно создавать вокруг себя собственное пространство, Антон, обхватив едва теплую чашечку, стал прихлебывать кофе; и когда напиток осталось уже на

донышке, на плечо ему опустилась тяжелая рука.

– А-а... Артурчик... – обернулся Антон.

– Так и знал, что тебя здесь найду, – ухмыльнулся Артурчик и, громыхнув металлическим замком на своей толстой кожаной куртке, похожей больше на средневековый доспех, уселся рядом с Антоном.

– Не пойму я до сих пор, – продолжал Артурчик, – чего тебя сюда тянет? Ты сколько лет назад институт-то свой закончил?

– Пять... Шесть лет назад, – подумав, ответил Антон, – два года армия... Значит, шесть лет назад закончил... Да нравится мне здесь просто. И от места работы недалеко.

– От места – чего? – юмористически наморщился Артурчик, – И этот гадюшник... – он указал рукой за окно столовой, где высилось выполненное с претензией на готический стиль здание областной библиотеки, – ты называешь работой?

– Работа как работа, – пожал плечами Антон, – Заведующий архивами. Интересно, между прочим...

– Интересно... А платят сколько?

– Да мне много и не надо, – качнул головой Антон, – Хватает.

– Вот поэтому и сидишь тут в студенческой столовке, – резюмировал Артурчик, – Кофе дуешь... Здорово мы вчера оторвались, а?

– Неплохо, – страдальчески улыбнулся Антон.

– Ладно, – скомандовал Артурчик и, снова громыхнув своей курткой, поднялся, – Пойдем-ка похмеляться. Я с утра одного клиента на двести баксов крутанул – так что повод есть. Вот, учись жить.

– Ну, – усмехнулся Антон, – Не всем же в автосервисе работать. Сам говорил, что у вас нет свободных мест.

– У нас нет пока, – пожал плечами Артурчик, – Но мало ли куда устроиться можно... удобно. У тебя вот – высшее образование, к тому же в армии был, в Чечне пришлось повоевать. Вроде человек умный, и повидал немало, а устроиться в жизни не можешь. Сидишь в своем архиве, как... не знаю...

Антон откинулся на спинку стула.

– Пойдем, – снова сказал Артурчик, – А то кофе, правда, не очень-то... того... А насчет баксов в голову не бери. Не в деньгах счастье, как говорится. Они для того и нужны, чтобы о них не думать. Тебе хватает, ты говоришь – ну, это главное.

Антон молчал. Он давно потерял нить разговора и с трудом воспринимал теперь тот факт, что рядом с ним сидит Артурчик и что-то говорит. Куда-то, кажется, приглашает...

– С другой стороны, конечно, – продолжал разглагольствовать Артурчик, – твоей зарплаты – нам пиво попить не хватит, – высказался он, – пошли, пошли... А то у меня в голове, как будто инструментальный оркестр играет. Туш...

«А что меня еще ждет в этой жизни? – подумал вдруг Антон. – Ну, выпью я сейчас пива с Артурчиком... Выпью

две или три бутылки, съем две или три пачки картофельных чипсов... За всю свою жизнь – выпью две или три сотни ящиков пива и съем две или три упаковок картофельных чипсов... Плащ вот изношу, другой куплю и тоже изношу... Брюки, ботинки, кроссовки... А дальше что? Ни семьи, ни родных... ничего. И вот появляется в моей жизни она – девушка, подобных которой я не видел никогда. И она ни малейшего внимания на меня не обращает. Феликс... Оказывается, она на него работает. Девушка по вызову или – проще говоря – проститутка. Господи, она отдается другим мужчинам за деньги, а на меня смотрела, как на пустое место... Да еще та дрянь, что рассказал мне Артурчик... Какого черта он подслушивал и подглядывал? Вуайерист хренов...»

– А помнишь ту лярву, на которую ты запал на моем дне рождении, – говорил Артурчик, – так она проститутка – я точно выяснил. Как она Феликса-то нашего ублажала! Во! Высшего пошиба шлюха – он пытел так, что соседям, наверное, слышно было! На нее сколько бабок надо – немеренно! А ты со своей зарплатой ничего такого ей предложить не сможешь... Вот ты говоришь – тебе тех грошей хватает, что государство тебе выделяет... Это, конечно, твое дело, только... На эти гроши ты можешь иметь только синюху с вокзала или самого себя под одеялом. Ну, или жену найдешь... С такой же работой, как у тебя – чтобы запросы у нее были... скромные. Да и то – вряд ли. Сейчас каждая кикимора о лучшей жизни мечтает. Насмотрится по телевизору бра-

зильских сериалов и готово дело – никто ее не устраивает, кроме принца на белом «Мерседесе»... Да, мать вашу, задумали народу мозги... Слышь, Антоха, ты идешь пиво пить или нет?

«Интересно, – думал Антон, совсем не слушая то, что плетет ему похмельный Артурчик, – моей зарплаты хватит на то, чтобы снять ее хотя бы на час? Должно хватить. А если нет – займу у кого-нибудь. У того же Артурчика. Или с Феликсом поговорю – может, мне скидка выйдет... Тьфу ты, черт, о чем я думаю? О чем, черт побери, я думаю?! Снять!!! Да на нее молиться надо, а не... Бледное лицо, волосы длинные черные, как ночное небо... Пряди такие... Глаза горят. Наверняка, у нее в роду были дворяне. Если она не королевского рода какого-нибудь. Ведь не может же быть, чтобы у такой потрясающе красивой девушки мать и бабушка работали кухаркой или там... скотницей... Господи, какая она!!! В самом деле – душу бы продал дьяволу, лишь бы Света была моя... моя, моя и только моя...»

Антон даже зажмурил глаза. Его мысли потекли в привычном для него русле несбыточных мечтаний, которые во что бы то ни стало нужно было осуществить. Но нет – давно он не хотел ничего так, как хотел сейчас эту черноволосую красавицу, казавшуюся ему богиней, несмотря на более чем незавидный социальный статус... Да что там – он никогда не желал ничего и никого так же, как ее сейчас...

«Я точно знаю, в этом мире есть нечто высшее, – мелькали

в его разгоряченном мозгу полубезумные мысли, – высшие силы, которые способны осуществить то, что человек хочет больше всего на свете. Не то, что душу... Я отдам все на свете, только чтобы заполучить ее».

Артурчик что-то бормотал еще, трепыхая не реагирующего ни на что Антона за плечо, но тот словно спал. И вдруг – будто кто-то давно и пристально следивший за Антоном – нажал единственно нужную кнопку.

«Все! – пришел в сознание Антона ответ. – Я иду к Феликсу и спрашиваю у него, что он хочет за Свету. Пусть у нас с ним были не самые лучшие отношения, когда мы учились в школе, но... мне все равно. Я согласен на все, лишь бы Света была со мной. Бизнес Феликса явно криминальный, а на таком уровне жизнедеятельности всегда возникает необходимость в людях, которым нечего терять. Я согласен работать на Феликса всю свою оставшуюся жизнь. Согласен на все – и дерьмо выгребать из его сортира и людей резать. На войне и не такое приходилось делать и что – я жив-здоров и ни на что не жалуясь. Все! Решение принято и теперь остается только одно – претворить его в жизнь».

– А я и говорю этому козлу, – разорялся Артурчик, – сколько веревочке не виться, а конец все один будет. Застрелят в разборке или в тюрьме сгниешь... А он смеется только. Ну и смейся, хрен с тобой. Да только вот – я заметил – что-то и вправду ему везет. Очень уж везет. Так даже не бывает – как ему везет. Ни разу с ментами напратов не было, и

с братками всегда по-мирному рулил. Как будто у него ангел-хранитель на небесах есть. Хотя какой у такого ублюдка ангел-хранитель... Скорее всего – черт-хранитель какой-нибудь... Дьявол.

Антон открыл глаза.

– Слушай, – прервал он трепотню своего приятеля, – а как мне на Феликса можно выйти?

– О! – удивился Артурчик. – Я же тебе про него битый час рассказываю. Постой, а зачем он тебе нужен? Ты разве не знаешь, чем он занимается? Криминал чистой воды.

– Знаю, – ответил Антон.

Артурчик внимательно посмотрел на него. Долго смотрел.

– Ты чего это? – спросил он наконец. – Решил в люди выбиться? Деньги начать зарабатывать. Так вот что я тебе скажу – не с того конца ты начал ума набираться. В криминал лучше не лезть – дороже обойдется. Финал у таких товарищей один и тот же – могила да тюрьма. Только – я вот говорю – Феликсу прямо удивительно везет. Все дела его гладко идут, будто ангел его хранит. То есть – черт! Ха-ха...

– Как выйти-то на него? – морщась от болтовни Артурчика, повторил свой вопрос Антон.

– Телефон у меня где-то был, – вспомнил Артурчик и достал из кармана куртки громадную записную книжку – такую пухлую и засаленную, что она больше всего напоминала поваренную книгу, – ага, вот... – нашел он нужную страницу и показал ее Антону, – записывай...

Записав телефон, Антон снова откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. Он совсем не слушал болтовню своего приятеля – только время от времени открывал глаза, на секунду отрываясь от своих мыслей и с некоторым удивлением смотрел на сидящего рядом с ним человека, не понимая – кто он и что он здесь делает.

* * *

Бар «У Михалыча» в десять часов вечера был закрыт и на двери его висела табличка – «Извините, у нас банкет».

Виновник торжества – длинноволосый и вертялый дылда Васик – чинно восседал за центральным столом в окружении своих многочисленных приятелей и друзей, знакомство с которыми он свел – по большей части – на пьянках, попойках и других подобных мероприятиях, черными мушиными точками густо отметивших картину его жизни.

Как раз напротив Васику возвышался над столом и взволнованно что-то орал человек по прозвищу Пункер – хороший знакомец Васику еще по старинным сатанинским тусовкам. Кожаная одежда Пункера была причудливо украшена металлическими заклепками, а на голове торчал тщательно напoмаженный зеленый гребень – так называемый, «ирокез».

– Мужики! – вопил порядочно уже пьяный Пункер. – Наше братство терпит чудовищные потери! Из стройных рядом

алк... ик... алкоголиков и придурков уходит в омут семейной жизни великий мастер пьяных безобра... ик... безобразий и бесчинств! Так давайте же отметим это событие так... ик... так... ик... чтобы ему стало стыдно за свой необдуманый поступок и так... ик... так... ик... так... ик... — когда неудержимая икота заставила заздравную речь уподобиться тиканью часов, Пункер замолчал и рухнул на стул.

— Спасибо, братан!!! — заревел через стол Васик. — Я знал, что ты меня действительно того... Ты один меня того... уважаешь.

— И это еще не все! — снова поднялся Пункер. — Мы тут с друзьями для тебя такой... ик... с-сур-рприз приготовили! Это все потому что мы тебя уважаем так... ик... так... ик... так... ик...

Бармен Семен, который вместе с тремя официантами остался обслуживать компанию празднующий, качая головой, наблюдал за банкетов.

— Вот уроды... — бормотал он себе под, — и откуда их столько понабралось? Волосатые, с какими-то немислимыми прическами на башках... Серьги в ушах, в носах... Одеты так, будто из фильмов ужасов сбежали... Кошмар! Куда хозяин смотрит — таких лохов позорных в помещение пускать... Я бы вот...

Тут бармен Семен умолк — к стойке бара подошел какой-то старичок явно бомжеватого вида и попросил кусочек хлеба с колбасой.

– На столе все, – ответил было Семен, но старичок не отставал – из невнятного его бормотания Семен понял, что бутербродов с колбасой на столе уже не осталось и теперь нужно делать новые.

«А этот-то откуда здесь? – пыхтел про себя бармен Семен, яростно кромсая батон колбасы. – Он уж совсем... беженец какой-то...»

– Пожалуйста, – с милой улыбкой протянул Семен бутерброд старичку.

– Спасибо, – прошамкал старичок и отошел обратно к столу, жуя бутерброд и беспрестанно благодаря создателя за то, что тот сегодня утром свел его за бутылкой портвейна с таким чудесным человеком, как Васик.

* * *

– Ну, как? – спросила меня Даша.

– Пока все нормально, – ответила я ей, ничего перед собой не видя, кроме мельтешения пьяных лиц, – напились все, что это вполне закономерно. Было бы удивительно, если бы на этом сборище нашелся хоть один трезвый человек. Надо же – кого только Васик не назвал на свой мальчишник. Здесь, Даша, даже один бомж есть. Его Васик, наверное, на улице подобрал. Такой бомж – классический. Смотреть даже страшно.

– Вполне в стиле Васика, – проговорила Даша, – слушай, –

спросила она вдруг, — я все никак не могу понять — как это у тебя получается — ты сидишь в своей квартире, смотришь в стену, а видишь все, что происходит в баре «У Михалыча»? Просто невероятно...

— Я вижу не все, что происходит, — поправила я, — а все, что видит сам Васик. То есть — вижу глазами Васи́ка. Все просто — я установила астральный канал между своим сознанием и его. Что-то вроде секретной видеокамеры, знаешь, такие устанавливают в банях, где имеют обыкновения отдыхать генералы МВД. Только одно неудобство — я не могу прерваться. Если прервусь... в таком случае мне не удастся снова наладить астральный канал. Да и еще... перед глазами все плывет... Я, кажется, пьянею... Да — точно! Пьянею. Это, пожалуй, основное неудобство... Если Васик будет продолжать хлестать водку в том же духе, через пару часов, я буду пьяна, что называется, в лоск. Ведь канал установлен не между зрительными нервами, а между сознанием моим... Ик... Ой, извини... и его сознанием.

Волна опьянения накрыла меня с такой силой, что я замолчала — язык заплетался страшно. Надо будет попросить Дашу приготовить мне кофе... Интересно, а на следующий день я буду похмельем мучиться? Скорее всего нет — ведь опьянение наступило благодаря воздействию импульсов опьяненного Васи́кова сознания, не благодаря употреблению мною спиртных напитков.

Впрочем, кто знает...

– Сделай мне кофе, по-пожалуйста, – тщательно выговаривая слова, попросила я Дашу.

– Ага, – услышала я голос своей подруги.

Как хорошо, что я попросила ее посидеть со мной рядом, пока я буду следить за развеселой вечеринкой Васи́ка. Ведь, кроме пьяных рож и постоянно опрокидываемых рюмок я ничего не вижу и не увижу, пока не прервется канал. Так что, человек, который нальет мне кофе, отведет меня под руку в ванную или в туалет, мне просто необходим.

Та-ак, посмотрим, кажется, там что-то интересное начинается – Васик упал лицом в салат. Примерно, минуту, я не видела ничего, кроме краешка тарелки и слипшихся вместе кусочка колбасы и перышка лука. Потом Васи́ка разбудили, сильно хлопнув по плечу, он немедленно опрокинул в себя очередную стопку водки и, окончательно проснувшись, поскакал на середину зала, где, как выяснилось, уже начинались танцы.

Вот и хорошо, а я-то уж было испугалась, что этим вечером ничего больше не увижу, кроме обильно покрытых майонезом компонентов салата. Впрочем, перышко лука, прилипшее Васи́ку на лоб, тоже здорово мешало мне смотреть.

– Твой кофе, – мягко прозвучало рядом со мной.

Я протянула ладони, приняла в них горячую чашку – и едва не выронила ее из рук, потому что...

* * *

Как оказалось, наблюдать за пьянствующими безумцами было очень интересно. Наверное, еще и потому, что алкогольное опьянение, прочно оккупировавшее сознание Васика через канал астральной связи – практически в полной мере – передалось и мне. Правда, немного мешало прилипшее ко лбу Васика перышко лука – закрывало обзор.

Но потом я об этом неудобстве и думать забыла – началось такое...

* * *

– Вы, наверное, не туда пришли, – увещевал кого-то стоящий у дверей бара охранник, – вам, наверное, не сюда нужно было батюшка...

Батюшка? Как в этом вертепе мог оказаться православный священник? Но если верить долетевшим до меня словам охранника бара «У Михалыча», так оно и было.

– А-а-а... Пусти меня в дом сей... сын мой заблудший, – на мгновение заглушил шум гремевшей пьянки густейший бас, – ибо ошибаешься ты и на праздник этот я приглашен... твою мать...

Ой, ну что бы Васику обернуться и посмотреть, кто это

пожаловал на его мальчишник – ведь я могу видеть только его глазами. Но Васик в этот момент был занят – он увлеченно отплясывал на освобожденной специально для него от лишних предметов барной стойке какой-то зажигательный латиноамериканский танец. При этом он в упоении ритма закатывал глаза, так что я почти ничего не видела, кроме каких-то радужных пятен, круживших передо мной в пляшущей темноте – наверняка несуществующих пятен, рожденных пьяной фантазией Васику исключительно для того, чтобы расцветить чем-нибудь ту самую темноту.

Охранник, тем не менее, как я слышала, все еще не пускал священника, несмотря на то, кстати говоря, что за последнего активно вступился Пункер, успевший нажраться до невменяемого состояния.

– Жизнь человеческая, – гудел бас явно нетрезвого священнослужителя, – и создана для того, чтобы совершать ошибки. Но подумай, сын мой... Как тебя?... А, ладно, не важно... Подумай – если бы этих ошибок было бы меньше, насколько легче стало бы тебе жить... бы... Короче говоря, ты меняпустишь или нет, козел безр-родный?

– Не велено никого пускать после десяти часов вечера, – уныло проговорил охранник.

– Ты заблуждаешься, сын мой... Я приглашен и следовательно, я могу зайти...

– Не велено...

– Пусти б-батю!!! – вклинился в разговор фальцет Пунке-

ра. – Пусти, говорю, а то башню пробью сейчас! Я вот Васика позову, а он тебя ув-волит. Ик... П-п-понял? У него папаша, знаешь, кто? Я тебе сейчас дам так... ик... так... ик... так... ик...

– Мне сказали, что не велено...

– Позови, сын мой, Васика, позови! – снова забасил священнослужитель, – ибо друг он мой хороший и приглашен я был на праздник сей лично им. Ах, как мы кагора нажабались с Васиком в прошлом году! Я даже обедню не смог отслужить, потому что икал. Я почему-то от кагора постоянно икаю. Пришлось Васику за меня отдуваться. А что? Волосы у него длинные, бороду мы ему за пять минут состряпали из пакли и моего старого шарфа... Рясу надели. И все у него прекрасно получилось. Только в самом конце он уже от себя стал добавлять, а это уже зря, конечно... Что же он тогда пел?.. Ага! Однажды два ежа, бля... Упали с дирижабля... Эх! Эх! Эх! – во все горло проорал священник.

Услышав куплеты, видимо, хорошо знакомой ему песни, Васик наконец-то соизволил прекратить свои хореографические упражнения и обратить внимание на то, что происходит у входной двери.

А когда он обернулся и увидел – и, конечно, я увидела – прочно занимавшего весь дверной проем грузного священника в самой настоящей рясе, с массивным крестом на груди, то заорал что-то нечленораздельно, но явно радостное и побежал к священнослужителю, занесшего уже грозящую

длань над головой трусливо гнусившего что-то охранника.

Охранник хотел было отскочит в сторону, но наткнулся на мотылявшегося неподалеку Пункера.

– Щас дам как! – взревел Пункер.

– Не надо... – вдруг пискнул охранник, неизвестно к кому обращаясь.

– Внемли мне, сын мой заблудший! – пробасил священник широко размахиваясь.

Ого, кажется, сейчас начнется драка. Охранник вроде неслабый мужик, но рядом с гигантом-священнослужителем он выглядит просто пигмеем. А тут еще и Пункер сжимает свои кулачки, а тут еще и бармен Семен подозрительно выглядывает из-за своей стойки и снимает уже с аппарата телефонную трубку...

Но скандал, слава богу, угас, не успев как следует разгореться.

Заметив приближающегося к нему Васику, священник расплылся в радостной улыбке и, не опуская поднятой для удара руки, осенил втянувшего в плечи голову охранника крестным знамением. Пункер икнул, шагнул в сторону и упал, пропав из моего поля зрения. Бармен Семен вздохнул, покачал головой, но все-таки положил телефонную трубку.

– Васик! – заорал священнослужитель.

Оттолкнув в сторону совершенно стушевавшегося охранника, он бросился к Васику с распростертыми объятиями.

– Отец Никодим! – подпрыгивая на ходу, заверещал Ва-

сик.

Где-то, примерно, на середине зала они встретились и пали друг другу в объятия.

– Вкусим чашу греха смертного, – гудел бас священника, а я видела только его густую бороду и толстенную цепочку на шее, – вкусим чашу греха и познаем порок, ибо лучше самим съесть отравленный хлеб, чем оставить его ни в чем не повинным людям...

– Водки! – заорал Васик, очевидно, прекрасно разбираясь в витиеватых словоблудиях священнослужителя. – Святой отец выпить хочет!

– Хочу, хочу!!! – энергично закивал головой отец Никодим. – Ибо сказано – выпившему добавить... Непременно – добавить...

Обнявшись, приятели проследовали к банкетному столу. То, что происходило потом, не представляло для меня никакого интереса. Во-первых, потому что опьянение окончательно заволокло мое сознание, а во-вторых... Что может быть интересного в том, как громадного роста православный священник отплясывает на банкетном столе канкан, тряся подолом рясы и вскидывая ноги на манер распутных девиц из парижского варьете.

Я за всю свою жизнь и не такое видела.

Глава 3

Инесса Бурдукова вернулась домой много раньше обычного. Швырнув ключи от машины на диван, а мобильный телефон в кресло, Инесса упала на всклокоченную постель, неубранную с утра и разревелась.

Истерика ее продолжалась, примерно, полчаса. А через полчаса во входной двери щелкнул замок. Инесса Бурдукова на мгновение примолкла, затаив дыхание, а когда убедилась в том, что это пришел домой ее муж, разрыдалась с новой силой.

Степан Леонидович Бурдуков – немолодой уже, дородный человек с породистой, гладко причесанной головой, зашумел в просторной прихожей, снимая пальто. Раздевшись, он по привычке глянул в в большое – от пола до потолка – зеркало, пригладил начинающие уже седеть волосы и механически подумал о том, что неплохо было бы сходить в приличный салон, где ему уберут появившуюся вдруг недавно седину.

«Надо же хорошо выглядеть, когда на тебя смотрят миллионы телезрителей по всей стране, – подумал Степан Леонидович, – все-таки должность обязывает. Недаром наш шеф говорит, что телеведущий – это лицо канала...»

Тут из спальни до него донеслись звуки плача.

– А это еще что такое? – пробормотал себе под нос Степан Леонидович и направился в спальню.

Увидев собственную жену рыдающей в молочном море всклокоченной постели, Степан Леонидович Бурдуков несколько не удивился. К истерикам Инессы Бурдуковой он привык давно – с самого начала замужества.

«Что на этот раз? – тоскливо подумал он. – Опять гаишники ей нахамили? Или какой-нибудь идиот стукнул ее новенькую „Шевроле“? Или в супермаркете ее обсчитали. Она всегда расстраивается, когда ее обсчитывают. Подумать только – она от меня на ежедневные карманные расходы получает столько, сколько какой-нибудь директор какой-нибудь заштатной школы не получает за несколько лет упорной работы. И она из-за нескольких сотен расстраивается... Слезы льет. А ведь, казалось бы, чего ей слезы лить? В жизни ни дня не проработала, с грехом пополам окончила школу, получила аттестат зрелости, купленный ей ее же папашей, и тут же выскочила замуж. Целыми днями занимается тем, что ходит по магазинам и покупает обновки... которые надевает, может быть, раз году... Когда мне приходится ее выводить на тусовки какие-нибудь... Во ревет, аж икать начала... А, может быть, она опять мобильник свой потеряла? Да нет, вот он валяется...»

– Инночка, – позвал Степан Леонидович, осторожно присев на краешек постели, – что случилось, солнышко мое?

Инесса Бурдукова отняла от подушки заплаканное лицо, посмотрела в овечьи глаза мужа и зарыдала еще громче. Хотя, громче, казалось бы, некуда.

«Это надолго теперь, – подумал Степан Леонидович, – что же случиться могло? Машину угнали? Да хрен с ней, новую куплю... Неужели?... Не-ет, только не это... Пожалуйста, господа, только не это...»

От внезапно пришедшей ему на ум мысли Степан Леонидович даже изменился в лице. Он нервно потер руки и подумал было уже о том, что вот Аркадий Аркадьевич приглашал его сегодня в бане – в хорошую баню в Марьиной Роще.

«Можно было поехать в баню, – тоскливо подумал Степан Леонидович, – зачем отказался? Тем более, завтра выходной день. Мог бы отзвониться домой в обеденный перерыв и рвануть... И там бы и позвонил кое-кому...»

Появившийся в сознании Степана Леонидовича образ заставил его губы расплыться в мечтательной улыбке. Степан Леонидович томно прикрыл глаза и почти полностью уже погрузился в негу сладостных грез.

Пронзительный вопль вернул его к действительности. – Лыбишься?! – заверещала Инесса, снова оторвавшись от подушки. – Смеешься? Всю жизнь ты, мудака, надо мною смеялся и сейчас продолжаешь! Я для тебя... А ты!.. Да как же это так могло получиться, чтобы я вышла замуж за такого идиота, как ты?..

Рыдания опять перехватили ее горло. Инесса ткнулась было в подушку, но желание высказаться, очевидно, было сильнее ее и она, глотая слезы, заголосила снова:

– Ирод! Чурка бессловесный! Только и умеешь, что делать

умное лицо перед камерами!!! И никто! Никто, кроме меня, не знает, какой ты идиот! Ты знаешь, что со мной сегодня случилось?

– Инночка, – беспомощно проговорил Степан Леонидович, – ты...

– Что – ты?! – выкрикнула Инесса и несколько раз ткнула пухлым кулачком в мягкое плечо мужа. – Что – ты?! Ты, ты, ты... Ты знаешь, что сегодня случилось со мной?

– Что такое случилось?

– А вот!!!

Инесса вскочила с постели, бросилась к своей сумочке, вытряхнула на пол все ее содержимое и ловко подхватила кредитную карточку, вывалившуюся из сумочки последней и швырнула маленький четырехугольник гладкого пластика в лицо мужу.

Карточка угодила в лоб Степану Леонидовичу и, отлетев, мягко шлепнулась на постель.

– Что это? – глупо спросил Степан Леонидович.

– Ничего! – всхлипнула в ответ Инесса. – Это ничего! Понимаешь? Просто кусок никчемного пластика.

«Не может быть, – мелькнула в голове у Степана Леонидовича мгновенная мысль, – вот и случилось то, чего я так боялся... А что – когда-нибудь это должно было случиться... Теперь мне нужно быстренько придумать, как ловчее соврать... Черт возьми, почему раньше ничего не придумал – загода? Вот ведь гадость какая – каждый день по сто раз

вру в телекамеру миллионам россиян, а теперь не могу придумать, что собственной жене сказать такого... безобидного и вместе с тем – правдоподобного... Надо время, что ли, потянуть подольше... Успокоить как-то...»

– Карточка, – проговорил Степан Леонидович, вертя в руках кредитную карточку.

– Она пустая!!! – завопила Инесса. – На ней ничего нет, понимаешь? Я хотела купить себе шубку... Я полгода искала себе шубку и вот нашла, примерила, стала расплачиваться, а мне говорят – что на карточке нет денег! Куда ты дел деньги, идиот? Куда дел деньги, скотина?!! Где мои деньги, я спрашиваю?!!

«Мои деньги – говорит, – подумал Степан Леонидович, мучительно морща лоб, – с какой это стати мои деньги стали ее? Ни рубля за всю жизнь не заработала, а туда же. Мои деньги! Все-таки, что же мне соврать? Да как тут соврешь? Господи, как мне теперь выкручиваться?»

Тяжелые мысли терзали Степана Леонидовича. Она снова вспомнил, что сегодня мог бы и вовсе не ночевать дома, а поехать в баню и, может быть, позвонить... Да! И мог бы позвонить – ей...

Но вот теперь...

– Где деньги? – разорялась Инесса. – Куда они подевались?!!

– Их... украли... – ляпнул Степан Леонидович первое, что пришло ему в голову.

Инесса даже опешила от неожиданности.

– Как это – украли? – недоуменно выговорила она. – Они же в банке? Кредитные карточки для того и придумали, чтобы никто не мог твои денежки цапнуть. И эту кредитную карточку я не теряла никогда, так что никто не мог ничего... А деньги в банке...

– Банк... ограбили...

– К-как?

– Ограбили, – повторил Степан Леонидович.

Войдя в родную, профессиональную стезю, он врал теперь вдохновенно и торопливо:

– Ты, конечно, телевизор сегодня не включала?

– Вот еще! – фыркнула Инесса. – На твою рожу, что ли, любоваться? Мне ее и дома хватает. А что... Что все-таки произошло?

– Ограбили банк, – Степан Леонидович проговорил название одного из крупнейших банков столицы, – пятеро грабителей в масках перестреляли всю охрану и вторглись в хранилище.

– Как... Когда?

– Сегодня ночью, – тараторил Степан Леонидович, – я делал утреннее сообщение. В половину одиннадцатого утра. Ну, ты, конечно, спала еще... Из хранилища вынесли все подчистую – все. И деньги, и драгоценности, и ценные бумаги. Погрузили все в машину и скрылись...

– А милиция?! – взвизгнула Инесса. – Куда милиция

смотрит? Ты же налоги платишь! А государство тебя защищать обязано!

– Милиция... – Степан Леонидович горько усмехнулся. – Один из охранников успел вызвать милицию до того, как ему прострелили голову. Подъехало целое подразделение ОМО-На. А бандиты из гранатомета – шарах! А потом еще два раза – шарах! Шарах!!! И все. Омоновцы даже из своих машин не успели вылезать. Все погибли, все!

Проговорив эту ахинею, Степан Леонидович всплеснул руками и печально повесил голову.

Инесса сидела в кресле напротив него с открытым ртом. – День траура объявили по всей стране, – сообщил Степан Леонидович напоследок. – Неужели ты ничего не слышала? Столько народу поубивали, а ты только о шубке своей думаешь...

Инесса смотрела на мужа широко открытыми глазами. Степан Леонидович осмелел до того, что попенял немного жене:

– Все по магазинам своим ходишь, – выговорил он, – все денежки мои тратишь... Мои, мои, а не твои... Мои – кровно заработанные... А в стране невесть что творится. Убийства и насилие кругом.

– Господи! – прошептала пораженная Инесса. – Какой кошмар!

Она поднялась с кресла и подошла к мужу. Опустилась на постель рядом с ним, положила голову ему на плечо и

всхлипнула.

– Боже мой! – проговорила она. – Как ужасно мы живем! Из дома страшно выйти... Вокруг одни дикари, а не цивилизованные люди, как в Европе, например... Господи, Степушка, как страшно!

– Да, да, – поддакивал Степан Леонидович, с тоской думая о том, что завтра или послезавтра его обман раскроется и нужно будет придумывать что-то еще, чтобы отсрочить ужасный миг расплаты.

Никогда и ни за что не признался бы Степан Леонидович Бурдуков своей жене Инессе Бурдуковой в том, что деньги, якобы похищенные головорезами, были потрачены им же самим – Степаном Леонидовичем Бурдуковым – на девицу-проститутку, с которой он свел короткое знакомство несколько недель тому назад.

«Ума не приложу, – думал Степан Леонидович, – как это я умудрился столько бабок впарить этой Светке? И что она такое сделала, что меня уже несколько дней подряд колотит, как только я о ней подумаю. Невероятная женщина! Богиня! Из-за таких женщин герои древности и совершали свои подвиги. Греки Трои брали и... так далее... Если я Светку два дня подряд не увижу, то совсем больной делаюсь. Хожу как в тумане. Приворожила она меня, что ли? Вроде, в мои-то годы... Да, она как-то мне рассказывала, что искусству любви обучалась в этом, как его... В Таиланде. Да, там, судя по всему, знают толк в подобных вещах... Завтра же утром

поеду к ней, к Светке. Эх, черт возьми, жалко, что передачу отменить нельзя. А почему, собственно, нельзя? Скажусь больным, меня и заменят. А где бабки взять? Я ведь обещал Светке в прошлый раз, когда мы с ней виделись... Придет-ся у Аркадия Аркадьевича занимать... Ладно, хрен с ним. Займу. Отдам потом. И еще заработаю. Нет, ну какая женщина эта Светка. Богиня! Прямо приворожила меня к себе! Действительно, в этом есть что-то потустороннее. Я бы даже сказал – магическое. Да... Магия...»

Так думал Степан Леонидович, меланхолически поглаживая по голову плачущую у него на плече жену.

* * *

Я уже порядком устала. Да и окружающую меня действительность – то есть, не меня окружающую, а Васика, я ведь его глазами смотрела на мир – воспринимала уже с трудом. Туман алкогольного опьянения заволок мне глаза. Я едва разбирала, кто я и где нахожусь. Даша, все еще находящаяся при мне, приносила мне кофе через каждый пятнадцать минут.

Иначе я бы просто не выдержала. Васик хлестал водку и сопутствующие спиртные напитки, как простую воду. Его сознание, привыкло к таким дозам, а вот мое – нет.

Я уже подумывала о том, чтобы прекратить эксперимент и завалиться спать. Но я же обещала Даше... Которая, в свою

очередь, пообещала Нине...

Ладно, буду продолжать наблюдение...

* * *

– А теперь – сюрприз!!! – вскарабкавшись на банкетный стол, закричал Пункер. – Последний залп уходящего в море семейной жизни корабля! Последний залп холостой жизни... так сказать...

Пункер замолчал на мгновение, покачиваясь, потом расхохотался так, что едва не свалился со стола.

– Главное, чтобы этот залп не оказался холостым! – проорал он. – Семен! Впускай!

Прокричав это, Пункер все-таки свалился со стола. А я чуть не упала со стула.

И было от чего.

Бармен Семен, со вздохом посмотрел на барахтающегося на полу Пункера и дал отмашку стоящему у ведущей на второй этаж двери официанту.

Тот открыл дверь.

В образовавшийся проем стали вбегать молоденькие девушки – все, как одна, чертовски привлекательные и к тому же – почти полностью обнаженные. Из одежды на девушках были только крохотные прозрачные лифчики и совсем незаметные трусики.

На мгновение в банкетном зале повисла тишина, только

слышен был густейший бас отца Никодима:

– Бесовское наваждение...

Очевидно, нетрезвый священнослужитель принял девочек за плод своего больного белогорячего воображения.

Через секунду тишину разорвали на куски восторженные крики. Девицы – их было пятеро – немедленно оказались на банкетном столе, где за минут до этого торчал Пункер. Зазвучала появившаяся ниоткуда вкрадчивая музыка, и девичьи начали танец.

Все присутствующие мгновенно притихли.

Странный это был танец. Девочки танцевали со строгими лицами, сначала медленно, словно разогревая свои молоденькие тела, а потом все быстрее и быстрее. И никаких пошлых варьетешных ужимок я не увидела – только потрясающе красивую пластику и завораживающий ритм плавных змеиных движений.

Танец словно околдовал меня. Даша тормозила меня за рукав, чтобы я рассказала ей, что вижу, а я услышала, как она меня зовет, только тогда, когда она позвала меня в третий раз.

– Ольга! – со слезами уже в голосе воскликнула Даша. – Ты чего – уснула? Такой концентрации алкогольного дурмана в сознании ты не выдержишь – я же говорила. Все-таки, Васик прожженный алкаш, а ты практически непьющая девушка... Ольга, ты меня совсем не слышишь?

– Слышу, – ответила я, едва шевеля совсем почти не под-

чиняющимся мне языком.

– Тогда почему молчишь?

– Не мешай, – ответила я, – сейчас... я должна досмотреть, а потом...

– Что досмотреть-то? – опять воскликнула Даша.

– Потом...

Даша вздохнула и замолчала. А я снова наслаждалась таинственным и прекрасным танцем полуобнаженных девушек. Да, странный танец... Ничего похожего я никогда не видела. Никакой развязности и пошлости не чувствовалось, но в движениях девушек сквозил такой откровенный эротизм, что мне стало немного не по себе. Когда танцевальный ритм достиг апогея, мелькнувшая вдруг в моей голове мысль – а правильно ли я выбрала свою сексуальную ориентацию? – несколько, надо сказать, испугала меня.

«Это не танец, – подумала я еще, – то есть – это не совсем танец. Ни на что не похоже... Только вот создается такое впечатление, что именно таким должен быть ритуальный обряд, созданный, чтобы оживить навсегда застывшую в камне древнюю богиню любви и чувственных наслаждений... Мда... И где только этот неотесанный Пункер откопал таких артисток... Ведь это шоу наверняка стоит просто бешеных денег... А вообще-то... В компании Васи́ка можно встретить людей самых разных социальных категорий. Начиная от отпрысков олигархов и заканчивая последними бомжами. Может быть, у этого Пункера, как и Васи́ка, родителя владеют

сетью банков или там супермаркетов каких-нибудь... Или являются короли нефтяного бизнеса... Мало ли что...»

Когда танец закончился и девушки застыли, сладострастно изогнувшись, банкетный зал взорвался аплодисментами. Собравшиеся бурно выражали свой восторг, а особенно смелые и слишком пьяные уже тянули свои руки к стоящим на столе девушкам.

Я вдруг заметила, что шум стал несколько тише. Ага, это Васика отвели в сторонку. Кто отвел? Ага, это все тот же Пункер.

– Слышь, чего... – мотая зеленым ирокезом заговорил Пункер доверительно глядя Васику прямо в глаза, – понравившись телки?

– Это... Ну как... нет слов! – выразился Васик. – Где ты их откопал только?

– Места знать надо, – прищелкнул языком Пункер, – а девочки классные... Хочешь попробовать?

– Как это? – переспросил дурак Васик.

– А так! – хохотнул Пункер. – Как хочешь. Это ж проститутки!

– Да ну! – поразился Васик. – Какие же это проститутки... Что я – проститутток, что ли, не видел? Это же настоящие актрисы... Как танцевали! Я даже протрезвел немного... Это – актрисы, – убежденно повторил Васик, – а проститутки, они...

– Да шлюхи это! – в голос заржал Пункер. – Зуб даю!

Проститутки! Шлюхи, шмары, шалавы, шалашовки, сикухи, мохнатки, подстилки, бляди... Путаны! У меня знакомый есть – Феликсом зовут. Так тот агентством заправляет, откуда я телок этих выцепил... У Феликса все по высшему разряду – он телок своих специально обучал... То ли в Китае, то ли в Бразилии... Не помню точно. Но обучил так, что просто... нет слов, как ты сказал...

– А чему обучил-то? – снова спросил Васик.

– Как чему? – удивился Пункер непонятливости Васику. – Ну ты, в натуре... трудный какой-то, Василий стал. Тормозной. Неужели на тебя так семейная жизнь подействовала... Никогда не буду жениться. Так, о чем это я? Ага – чему он из обучил в этом Катманду? Искусству любви, понял? Один час с такой девочкой и... Незабываемые ощущения...

– Да?.. – немного неуверенно протянул Васик. – Знаешь, как-то это все...

* * *

– Васик! – едва не закричала я, почти забыв о том, что Васик не может меня слышать. – Немедленно прекрати этот разврат, это же... Все, начинается! – громко сказала я вслух.

– Что начинается? – переспросила, встрепенувшись, сидящая рядом со мной Даша.

– То, чего опасается Нина, – пояснила я, – кажется, сейчас Васик ей того... изменит.

– С кем? – испуганно выговорила Даша. – Ты же говоришь, что там одни только мужики.

– Уже нет, – ответила я, – и знаешь, что я думаю, Дашенька?

– Что?

– Что на месте Васи́ка я поступила бы точно также, – сказала я.

– Как это?

– Изменила бы... – проговорила я, – кому угодно изменила бы, если бы меня попробовали так искушать...

– Да... – констатировала Даша, – вот это ты, подруга, нарезалась...

* * *

– Ты посмотри, какие телки! – снова причмокнул губами Пункер. – Хватит жаться! Чего ты как целка, в натуре?! Сегодня последняя ночь – оторвись, как надо! А потом к жене своей вернешься, а? Я тебе говорю – эти шмары – то, что надо. Незабываемые впечатления. Точно!

– А ты сам-то пробовал? – спросил Васик.

– Нет еще, – с видимым сожалением ответил Пункер, – как-то не приходилось. У меня же, понимаешь, того... От черного, от водки, от дури всякой... и от кукнара в особенности – немного того... этого... Обвис.

– Да ты что?! – поразился Васик. – Лечишься?

Пункер сникал на глазах. Он приоткрыл рот, чтобы сказать что-то Васику, но лишь обреченно махнул рукой.

– Ладно, – потухшим голосом проговорил он, – если хочешь, я тебе самую лучшую тварь из этих ангажирую. Светкой зовут. Чудеса про нее рассказывают. Хочешь?

– Давай! – залихватски махнул рукой Васик. – А где – здесь?

– Ну прям, – криво усмехнулся Пункер, – тут нажрались все... Обстановка не та. Ты бери моего шофера, да кати... в первую попавшуюся гостиницу. А там разберешься... Представляешь, мне батя шофера выделил – чтобы я пьяный не разбился за рулем... А шофер – полный лох! Где только взяли такого... Ну, короче говоря, познакомишься.

– Ага, – сказал Васик, и в его руках откуда-то появилась бутылка. Только вот выпью для храбрости.

* * *

– Эх, Васик, Васик! – сокрушенно проговорила я. – А мы так на тебя надеялись...

– Что? – шепотом спросила Даша. – Уже?

– Нет, – ответила я, – грехопадение пока не свершилось, но... ожидается в самом скором времени.

– Кошмар! – вздохнула Даша.

– Кошмар, – согласилась я.

Через несколько кварталов задремавший было Васик поднял голову.

– Эт-та... – завертел он головой, – А где моя... телка? Как тебя?..

– Света, – послушно ответила Света.

– Све-е-ета... – прогудел Васик так, как будто в слове «Света» было по меньшей мере двадцать букв «е», – во-воду... будешь?

– Да, – ответила Света.

– А-атлична! – заревел Васик, – Ваня! – он толкнул водителя в плечо так, что тот едва не потерял управление, – В-вася, где у нас тут водка есть?!

– В бардачке, Василий Николаевич, – покорно ответил водитель Ваня, с трудом выравнивая завалившийся джип.

Васик, свесив голову на грудь, зашарил в бардачке, сопя через оттопыренные губы и извлек наконец початую бутылку текилы.

– Эт-то что за дрянь? – поинтересовался Васик у водителя, – Эт-то не то... У тебя же здесь водка была! Я точно помню... Мне Пункер говорил... Он мне специально оставил... Неприкосновенный запас. Это ты ее?..

– Да что вы, Василий Николаевич! – воскликнул несчастный Ваня, – Это вы ее, наверное, с Пу... с Семеном Израи-

левичем выпили, когда прощались. И забыли.

– А если в морду? – серьезно проговорил Васик.

– Текила ведь тоже спиртной напиток! Такой же крепкий, как водка...

– Не то... – озадаченно повторил Васик, рассматривая бутылку, – Ну и хрен... Будем это зеленое говно пить. Держи, Светка!

Он, не оборачиваясь, протянул бутылку назад. Света приняла бутылку.

– Сейчас я тебе стакан сыщу, – пообещал Васик и снова погрузился в бардачок.

– Не надо мне, – ответила Света и в ее голосе неожиданно прозвучала та же залихватская разнузданность, что и в пьяном бормотании Васи́ка, – Я из горла выпью. Вспомню, так сказать, молодость.

– Вот это так! – Васи́ка это заявление привело в неописуемый восторг, – Вот за эт-то я... Я т-таких людей всегда... уважал...

Заерзав на сиденье, Васик с хрустом повернул свою худую и жилистую, как баранья нога, шею. Света отхлебнула из бутылки порядочный глоток.

– Нор-мально! – оценил Васик, – А ну-ка давай еще глоточек!

Света глотнула снова. Ее бледные щеки порозовели.

– А теперь дай пузырек мне! – потребовал Васик и, получив бутылку, в несколько глотков осушил ее.

– В-вот так, – икнув, проговорил он, – Так, Ваня, останови здесь.

– Мы же не приехали еще, – запротестовал было Ваня. – Как ж так?..

– А в морду?

Водитель Ваня сбавил скорость и, свернув к обочине, затормозил. Заглушил мотор.

– М-молодец, – похвалил Васик, – А теперь выметайся из машины. Живо! – приказал он.

– Вам нельзя вести машину, – с тоской в голосе заявил Ваня, – Еще убьетесь, а мне потом... Да и менты остановят, что тогда?..

– Не твое дело, – прорычал Васик, на самом деле раздражаясь, – Пошел из машины, пока я тебе башку не снес... Одним ударом моего м-могучего кулака. Ж-желаю сам вести... машину. И Светочка не против... Ты не против? – не оборачиваясь, спросил он у Светы.

– Нет, – ответила Света, – не против.

– Вот это по-нашему! – снова обрадовался Васик, – Ты, Светка, классная телка, точно говорю! Я теперь с т-тобой... дружить буду... А ты... А ну, пошел, блядюга... козлоебина, тебе говорю!

Водитель Ваня тоскливо вздохнул и покинул машину. Васик, совершенно потерявший человеческий облик и какое-либо представление об окружающем мире, пыхтя, сполз со своего сиденья в открытую дверцу, шатаясь, обошел во-

круг автомобиля, и залез на водительское место.

Какое-то время Васик, сопя и отдуваясь, размещал свое нескладное долговязое тело под баранкой руля, затем облегченно выдохнул и завел машину.

– Сейчас покатаемся, – бормотал он, неловко крутя руль соскальзывающими пьяными руками, – до гостиницы совсем немного осталось... А, кстати, я живу здесь неподалеку. Пару кварталов только до моего дома...

«И до моего дома тоже, – подумала Света, – Значит, этот Василий Николаевич где-то рядом со мной живет. Вот встречу его еще ненароком на улице – в гости напросится. Плохо. Не люблю, когда мои клиенты знают, где я живу. Никогда их к себе в квартиру не приглашаю, только разве что в крайнем случае... Но этот-то вообще ничего не соображает. Мне кажется, не понадобится больших усилий для того, чтобы... Да, точно так. Феликс был бы не против...»

Джип, управляемый бедовым Васиком, быстро набирая скорость, покатился по широкой улице и скоро вылетел на встречную полосу, попав в самую гущу потока автомашин – несмотря на довольно позднее время движение было еще очень оживленным – Васик и Света находились недалеко от центра города.

– Откуда их столько... – прохрипел Васик, остервенело выкручивая руль, как будто ломал чью-то чудовищно толстую шею.

Румянец, вызванный небольшой дозой текилы, давно ис-

чез со щек Светы.

Несколько минут джип двигался по встречной полосе почти на полной скорости, каким-то чудом избегая столкновения, потом что-то щелкнуло и соскочило в одурманенной голове Васи́ка. Он вскрикнул что-то хриплым от внезапного страха голосом и, крутанув руль, бросил машину вправо, одновременно давя изо всех сил педаль тормоза.

...Сильный толчок бросил Свету на спинку переднего сиденья. Она успела выбросить вперед руки, значительно смягчив удар. Джип, ткнувшийся тупым носом в столб, сдавленно рычал и слегка подергивался, явно не желая мириться с внезапно появившейся преградой.

Где-то впереди замычал Васик.

Света вышла из машины, оставив открытой дверцу. Немного саднила грудь и сильно болел локоть правой руки.

«Синяк теперь останется, – подумала она, – Вот черт. А где мой клиент? Интересно, он вообще-то живой?»

Как оказалось, Василия Николаевича в момент, когда передний бампер джипа соприкоснулся со столбом, швырнуло через лобовое стекло, и он теперь, пытаясь понять, что собственно произошло, активно ворочался на широком, осыпанном осколками капоте.

Свете вдруг пришло в голову, что она почему-то не слышала ни звука бьющегося лобового стекла, ни грохот самого столкновения – только увидела вылетевшую из-под колес дорогу, удивленные морды встречных автомобилей и ощутила,

как неведомая сила швырнула ее вперед.

Васик, подкатившись, наконец, к краю капота, брякнулся на асфальт.

Потом довольно быстро поднялся на ноги, и Света с удивлением заметила, что из видимых повреждений у пролетевшего сквозь лобовое стекло Васи́ка заметна лишь небольшая ссадина на лбу, быстро припухающая синими краями.

– Екарный... бабай... – хрипло выговорил Васик и оглянулся, – Давай, двигаем отсюда быстрее... А то сейчас мен-ты подъедут... хуе-мое... на алкоголь проверять бу... будут. Пока им докажешь, что трезвый, сто лет пройдет... И вправду протрезвеешь...

Немного прихрамывая, он подошел к Свете и галантно взял ее под руку.

– А как же джип? – спросила она.

– А-а! – махнул рукой Васик, он все равно старый был... Тем более, не мой, а Пункера. А у него папаша, знаешь кто? Ого, он ему новый купит. Или два. Пошли скорее. Сейчас подальше отойдем и тачку поймаем...

– Не надо тачку, – неожиданно сказала Света, – Отсюда до моего дома совсем недалеко. Пешком дойдем. У меня и выпить есть что.

– Све-е-тка! – распялил в улыбке мокрые губы Васик, – ты просто... вообще... Ну, я прямо не знаю. Ты теперь под моей защитой, поняла? Если кто-то что-то на тебя наедет, так пря-прямо им и говорю – за мной Васик. Какой Васик?

А такой... Что вам всем тошно станет... И посмотрю я на того козла, кто осмелится...

Васик снова икнул.

«Полезный клиент, – подумала еще Света, увлекая радостно что-то бормочащего Васика подальше от развороченного джипа с дымящимся радиатором, – Надо и дальше с ним хорошие отношения поддерживать. Он, конечно, не бандит и не банкир... насколько я поняла... Но мне нравится его отношение к деньгам... Деньги достаются ему легко и, судя по всему, довольно большие деньги...»

Васик опять икнул, попробовал было затянуть песню, но, кроме первых двух слов, текста вспомнить не смог. Тогда он отклеился от своей спутницы; косолапя и оскальзываясь, побежал к ближайшему ларьку. И через пять минут вернулся к ожидавшей его Свете, победоносно сжимая в руках только что приобретенную бутылочку пива.

– Добыл! – радостно сообщил он.

– Мог бы потерпеть минутку, – ласково проговорила Света, – мы бы дошли до моего дома, а там разной выпивки – целое море.

Васик крикнул и вытер ладонью заслезившиеся вдруг глаза. Потом хватил из бутылки порядочный глоток и обратился к Свете.

– Слушай, – дрогнувшим голосом проговорил он, – у меня никогда такой... подруги не было... Чтобы... пиво мне и водку... и домой приглашала, где напитки разные есть...

На мгновение Васик замер, словно пораженный внезапной мыслью, потом тревожно спросил у Светы:

– А они спиртные?

– Что? – не поняла Света.

– А они спиртные? – повторил Васик. – Напитки-то? Которые у тебя дома есть...

– Спиртные, – отвечала Света, увлекая ничего почти уже не соображающего Васику к подъезду выступающего из ночного мрака дома, – конечно, спиртные. Самые спиртные в мире... Мы уже пришли. Сейчас поднимемся на пятый этаж, квартира сто пять, и вот мы уже дома...

– Д-дома... – пробурчал Васик и уронил недобитую бутылку с пивом.

– А скажи-ка, – вкрадчиво начала шептать в ухо Васику Света, – как тебе больше нравится... Можно ведь...

На этом месте я оборвала контакт.

* * *

Угольная чернота, пульсирующая красными прожилками, мало-помалу рассеивалась и наконец превратилась в серенький туман, только чуть-чуть окрашенный в розовый цвет.

Я мотнула головой и туман пропал.

Передо мной сидела моя подруга Даша.

– Ну что? – устало спросила она, – этот мерзавец уже успел?

– Пока нет, – сказала я, – но все к этому идет.

Я вкратце рассказала Даше то, что видела в последние полчаса.

– Одно только хорошо, – добавила я потом.

– Что? – удивилась Даша.

– Что Васик нажрался до такой степени, что слово «мама» сказать не сможет. Сомневаюсь, получится ли у него полноценная измена. Мне кажется, нет.

– Во всяком случае, нужно это предотвратить! – воскликнула Даша, – если еще ничего не было, то и Нине мы ничего не скажем... Нет, пожалуй, ей вообще лучше ничего не говорить. А Васику хорошо бы – морду начистить. Чтобы не слушал кого попало...

Я еще раз мотнула головой. Алкогольное опьянение понемногу покидало мое сознание – словно табачный дым потихоньку исчезает из комнаты, где широко распахнули окно. Ну и слава богу. Мне бы еще пять минут, тогда я была бы в полной форме. Вот через пять минут и поедем.

«Даша говорит правильно, – подумала я, – нужно ехать вытаскивать Васику из этого гнезда разврата. Не только потому, что мы обещали его будущей жене Нине проследить за моральным обликом Васику, но и потому, что... Черт, странное ощущение – какая-то смутная мысль не дает мне покоя – уже несколько минут. Она появилась сразу же, когда я прервала контакт с сознанием Васику, хотя... как можно предположить, эта мысль возникла гораздо раньше, только вот

алкогольный дурман глушил ее... На что это за мысль? Как будто строчки, плывущие перед глазами – я не могу разобрать ни слова. Только понимаю, что исходит от этой строчки едва уловимый запах серьезной опасности...»

Это опять мое подсознание работает. Интуиция, так сказать. Я чувствую опасность, но пока точно сказать не могу, откуда она исходит.

Я знаю – совершенно точно – что Васику угрожает опасность, но источник этой опасности определить не могу.

Пока не могу.

Но думаю, что если мы с Дашей немедленно поедem туда, куда эта странная женщина увезла Васику, то хоть что-нибудь прояснится.

Я поднялась на ноги. Опьянения почти не ощущалось. Правда, в голове немного шумело, но на свежем воздухе, как мне кажется, все это должно пройти.

– Собирайся, – сказала я Даше, – едем.

– А адрес? – спросила она.

– Адрес? Я ведь видела все глазами Васику, – сказала я, – да и эта... Света – сама назвала номер своей квартиры. Поехали.

Даша поднялась и проследовала в прихожую.

«Света, Света... – вертелось у меня в голове, – где же я слышала уже это имя? Недавно только...»

– Послушай, – выходя в прихожую, проговорила я, – Света... У меня такое ощущение, что это имя связано с каким-то

недавним событием...

– Света? – нахмурилась Даша. – Вот уж не помню... Вообще-то, это очень распространенное имя. Света...

– Света! – вспомнила я. – Ты же сама рассказывала! Про своего бывшего однокурсника Антона и про его возлюбленную... проститутку. Ее Светой звали!

– А-а! – вспомнила и Даша. – Действительно. А у меня из головы вылетело. И правда... Ну, я говорю – Света довольно распространенное имя.

– Среди проституток, – добавила я.

Глава 4

Ничего в жизни Антона не было глубже того обжигающего чувства, какое он испытывал, когда только представлял себе Свету или думал о ней.

А когда он видел ее, все ее окружающее пространство казалось шепотом и шарканьем многолюдной публики вокруг старинного, наполненного древней божественной красотой портрета.

Последние несколько дней Антон совершенно забыл, то что раньше он связывал с понятием «женщина». Далеко за пределами его сознания остались те полные сомнений, непонятного беспокойства и необъяснимого страха суетливые свалки на чужих квартирах, пьяных кухнях и пустынных пляжах. Потом кто-то, какая-то... Матовый овал лица, полные губки, тщательно скрываемая угревая сыпь на спине... Имя затерлось и исчезло...

Такая же суетливая и бессмысленная свадьба. Потом армия и война. Несколько писем ему в часть и последнее письмо – «...Хорошо, что не случилось детей...» которые предполагались для того, чтобы получить отсрочку от прохождения воинской повинности, но почему-то не получилось – армия и последнее письмо.

А после службы – звенящая пустота, шрам на груди, несколько ожогов на ногах и два-три военных воспомина-

ния, прочно захлопнутые в черный сундук памяти, который приоткрывался только в особенно страшные ночи, когда Антон с криком просыпался и не пытался уже ложиться спать, а курил, включив по всей квартире свет, перед беззвучно работающим телевизором, до того времени, как станет слышно загремевающий в первый раз в пустом подъезде лифт.

То, что произошло с ним после встречи со Светой, Антон не пытался анализировать и даже обдумывать. Он прекрасно понимал, что такого с ним уже никогда не повторится и время от времени сомневался в реальности происходящего, особенно когда пласты этой самой реальности смещались и ускользали от его понимания.

Так и сейчас – подошедший автобус и открывшаяся перед самым его носом дверь – были восприняты Антоном, как вполне закономерный ход какой-то космической невыразимой прекрасной несмотря ни на что игры, в которую он включился, когда первый раз увидел Свету.

Антон запрыгнул в полупустой из-за довольно позднего времени автобус, прошел на заднюю площадку, удивленно обернулся на какие-то слова бородатого человека с женской сумкой на животе, с трудом угадав, что хотел от него бородатый, сунул ему мелочь, оставшуюся в кармане, получил взамен что-то совсем незначительное, невнимательно сунул это незначительное мимо кармана и, не обращая больше внимания на относящиеся, кажется, к нему возгласы бородатого и нескольких приплюснутых к креслам пассажиров, утвердил-

ся в задней части салона автобуса, повернувшись спиной к остальному, прислонившись лбом к ледяному стеклу.

* * *

Бар «У Михалыча» Антон нашел довольно быстро. С виду он оказался более престижным и дорогим, чем тот, куда Антона звал его школьный дружок Артурчик. Антон даже остановился перед дверьми в нерешительности, но ощущение конверта с только полученной зарплатой в кармане придало ему уверенность.

Антон шагнул к двери и только протянул руку, как дверь распахнулась. Здоровенный детина с зеленым гребнем на голове, перекатывающий в открытом рту мокрый комочек жевательной резинки, одной рукой отстранил Антона, освобождая проход долговязому длинноволосому парню, при виде которого у Антона перед глазами тут же возник образ швабры, порядочно истрепанной активной половой жизнью.

Парень едва держался на ногах, его даже поддерживали под руку.

Антон сморгнул. Под руку с долговязым шла та самая Света, с которой он познакомился на дне рождения у Артурчика.

Ошибиться он не мог – те же тяжелые пряди черных волос ровно спускающиеся вдоль немного бледного лица с точеными, изумительно правильными чертами.

Вслед за парнем вышли трое парней, выражением на пьяных мордах совершенно сходные с первым зеленоволосым детиной, чавкающим жвачкой, но одетые настолько причудливо, что их легко можно было бы принять за участников какого-нибудь карнавала.

– М-мы с т-тобой... по... поедem ко мне... – вяло текла из слюнявого рта долговязого несуразная речь, – во... возьмем еще во... водки...

У Антона медленно похолодели руки. Этот парень несомненно обращался к Свете.

Зеленоволосый сплюнул жвачку и закурил. Один из трех карнавальных парней обогнал долговязого со Светой, бегом направился к стоящему у обочину джипу и открыл дверцу переднего сиденья перед долговязым, сам бухнулся на водительское место, предоставив Свете самой усаживаться на заднее сиденье, что она и проделала спокойно, ничуть не удивившись чудовищной неучтивости.

Хлопнула дверца и Света, так и не заметившая застывшего у дверей Антона, скрылась от его глаз.

Парень опустил стекла джипа, завел мотор и тяжелый автомобиль, набирая скорость, покатил по дороге. Антон провожал его глазами, пока он не скрылся за первым поворотом.

Трое парней остались стоять у дверей бара.

– Вот Васик мудака, – проговорил вдруг один из них, – Праздник в самом разгаре, а он уехал. Из-за него вообще-то собрались. Неуважение... Вот возьму и тоже сейчас уеду. А,

черт, тачки-то нет... Васик! Уехал на тачке, нас оставил. Все ведь могли поместиться... Что ж нам теперь – левака ловить? Надо тоже с собой бабу взять какую-нибудь. И побыстрее. А то там этот алкаш-священник сломал стул, связал из двух его ножек крест и с криком: «Изыди, нечистая сила, изыди дьявольское наваждение!!!», за оставшимися бабами гоняется. А телки-то какие классные!!!

– Ага, – ухмыльнулся второй, – ты, когда нажрешься ни о чем другом не думаешь, как о бабе... Из-за этой бляди теперь... Мы пешком должны идти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.